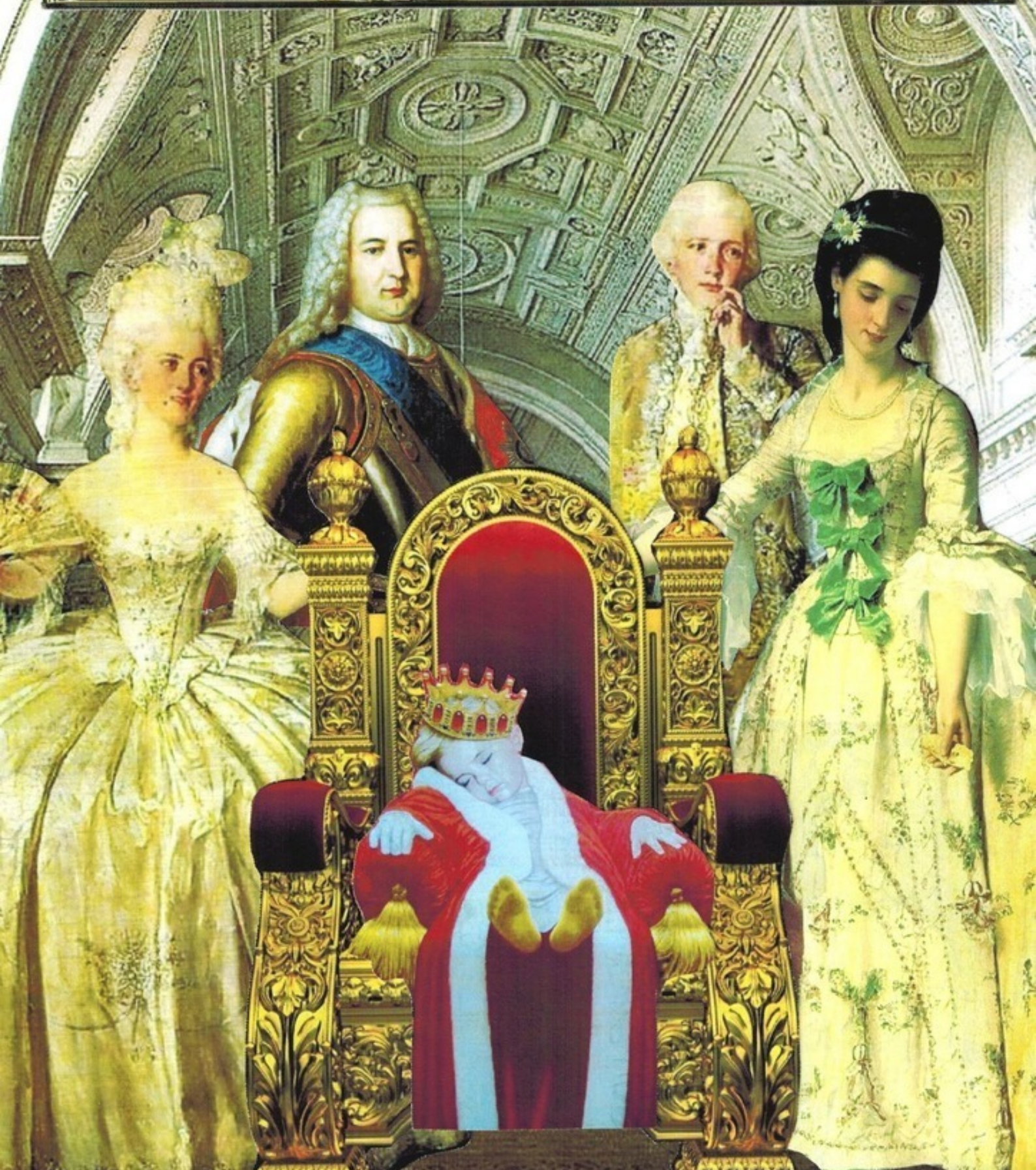

Ирина Костина

НАСЛЕДНИКИ И САМОЗВАНЦЫ

Книга пятая

Ирина Костина

**Наследники и
самозванцы. Книга пятая**

«Издательские решения»

Костина И.

Наследники и самозванцы. Книга пятая / И. Костина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932908-0

1740—41 года. Анна Иоанновна, умирая, назначает регентом над младенцем-императором ненавистного всем Бирона. Но его недолгое правление обрывает дворцовый переворот. Столица ликует. И только канцлер Остерман знает, что близится беда: Швеция грозит не только войной, но и новым переворотом с возведением на престол царевны Елизаветы. В такое смутное время приятели-офицеры отчаянными поступками пытаются противостоять несправедливости. А Василий, возвращаясь из ссылки, попадает в новую авантюру.

ISBN 978-5-44-932908-0

© Костина И.
© Издательские решения

Наследники и самозванцы

Книга пятая

Ирина Костина

© Ирина Костина, 2018

ISBN 978-5-4493-2908-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

автор Ирина Костина

1740 год

Мир между Россией и Портой был заключён в Белграде осенью 1739 года, ратифицирован в Константинополе в январе 1740 года, а в начале февраля советник миссии Неплюев привез ратификацию в Петербург. Анна Иоанновна, как только её получила, послала курьеров к Миниху и Ласси с приглашением возвращаться ко двору.

И на следующий день после их приезда мир был торжественно объявлен. По этому случаю в Петербурге были организованы большие празднества с чествованиями и награждениями. Самый выгодный куш от турецкой кампании отхватил герцог Курляндский, так как получил от государыни пятьсот тысяч рублей золотом. Графу Миниху было дано звание подполковника гвардии Преображенского полка – пост, на который он давно метил, но долго не полу-

чал. Принцу Антону-Ульриху тоже дано звание подполковника гвардии Семеновского полка и генерал-поручика армии.

А вот князя Никиту Юрьевича Трубецкого чуть было не постигла опала. Жалобы на его из рук вон плохое оснащение полков продовольствием в турецком походе просочились-таки к императрице. И государыня, осерчав, выдала предписание князю о назначении его губернатором в Сибирь. Однако Миних, преданный любезной его сердцу Анне Даниловне, взялся рьяно хлопотать за её нерадивого супруга. И так в этом преуспел, что, вместо прощения, выхлопотал Трубецкому пост генерал-прокурора и председателя Правительствующего сената!

Одним словом, все остались довольны.

Правда, особого повода для радости не было. Война не оправдала высоких замыслов, которые гордо трактовал Миних. Вместо этого она нанесла сокрушительный удар по государственной казне и унесла жизни тридцати тысячам русских солдат. Причём лишь малая часть из них – тысячи две – погибли в сражениях, остальные – от болезней и нехватки воды в тяжёлых походах. Да и условия Белградского мирного договора были вовсе не выгодны России; она оставляла за собой Азов, но обязывалась скрыть все находящиеся в нём укрепления. Лишилась флота на Чёрном море. А для торговли ей разрешалось использовать только турецкие суда. Но государыня была рада окончанию этой войны, особенно теперь, когда с севера-запада уже откровенно нависала новая военная угроза.

Пока высшие чины праздновали мир в императорских дворцах, главные армейские силы, покинув южные пределы Российской империи, без отдыха маршировали под Выборг, чтобы сосредоточиться там, в устрашение шведам.

К началу года Швеция, хоть и с упущением момента, но подписала союз с Османской Портой. К слову сказать, турецкая сторона, только что вышедшая из войны с Россией, не очень-то жаждала новых баталий, и потому обещала предоставить помощь лишь в случае нападения на Швецию третьей державы.

Анна Иоанновна, узнав о заключении шведско-турецкого союза, посчитала это за оскорбление и запретила-таки вывоз хлеба в Швецию из русских портов.

Озлобленные шведские министры всколыхнулись и в один голос начали призывать Сейм к немедленному выдвижению полков через финские границы. Сдержало их только одно обстоятельство – зима. Как известно, суровый нрав этой русской «союзницы» всегда удерживал противника от намерений развернуть военные действия против России и вынуждал откладывать их до весны.

Празднование Белградского мира плавно влилось в череду балов и маскарадов, которые, по заведённой уже традиции, начинались в Петербурге с января каждого года. Как раз в период празднования тезоименитства императрицы и её племянницы неожиданно открылось известие о том, что Анна Леопольдовна беременна. И это добавило ещё один повод к торжеству.

Анну Иоанновну переполняли радостные чувства. Такое скопление радостных событий в один момент хотелось отметить как-то по-особенному, необыкновенно с размахом! Запечатлеть в небывалом зрелище, которое бы надолго осталась в памяти жителей столицы. Тем более, неуклонно ухудшающееся здоровье государыни постоянно напоминало ей о том, как скоротечна жизнь. И тем сильнее было желание вкусить больше радости, потешить себя, отвлечься от гнетущих мыслей.

Приближенные влиятельные вельможи наперебой стали предлагать свои проекты предстоящего праздника. Но всех затмил Артемий Петрович Волынский, который предложил устроить грандиозное театрализованное представление на застывшей, под зимним панцирем, Неве.

Зная, что императрица больше других забав, любит гулять свадьбы, Волынский в основу своей идеи взял свадьбу; шуточную свадьбу, которую он задумал провести в выстроенном по этому случаю ледяном дворце. И на свадьбу эту соберутся гости в национальных костюмах всех народностей, проживающих на огромной территории Российского государства. И все они пройдут парадом мимо трона государыни, выразив ей почтение и покорность.

А право выбрать жениха и невесту Волынский, разумеется, предоставил государыне. И Анна Иоанновна определила в невесты свою любимую шутиху-карлицу калмычку Буженинову. А в женихи ей назначила майора в отставке князя Михаила Голицына, который три года назад (за провинность) был переведён в придворные шуты и именовался «Квасником».

По случаю предстоящего свадебного спектакля на Неве вторую неделю неустанно шло возведение ледяного дворца. И жители столицы ежедневно прогуливались по набережной, чтоб полюбоваться невиданным зрелищем.

дом канцлера А. И. Остермана

– Я рад, что Вы изъявили желание прогуляться. Погода нынче – благодать! Мороз и солнце. Прокатимся по набережной? – спросил Левенвольд, рассматривая через окно кабинета канцлера висевший на Неве ледяной дом, – Нынче там весь Петербург! Вы только взгляните, Андрей Иванович, на это строение! Во истину, небывалое зрелище, какого ещё в столице не выдывали!

– Прекратите, – поморщился Остерман, стягивая халат и рассматривая приготовленный камердинером кафтан с залоснившимися от старости рукавами, – Вы будто нарочно хотите меня позлить.

– Что такое?

– А Вы не понимаете?

Левенвольд предусмотрительно отошёл от окна и опустил в кресло напротив:

– Ах, да... Кажется, понимаю. Волынский...

У канцлера глаз дёрнулся в нервном тике:

– Волынский! Он, точно чума, распространился повсюду! Проник во все сферы влияния. Заполнил все ниши. Завладел всеми мыслями и делами государыни; теперь каждый её шаг – будь то развлечение или дело – продиктован его «гениальными» придумками! В этом он превзошёл Миниха и Бирона, вместе взятых.

– Простите, я не думал, что своей неловкой фразой так задену Вас за живое.

– Я задет за живое, как Вы изволили высказаться, отнюдь не Вашей неловкой фразой, – отмахнулся Остерман, – А тем, как этот неутомимый деятель, семимильными шагами взлетел по карьерной лестнице на вершину Олимпа!

Остерман отбросил кафтан и взял со стола папку, гневно потряс ею в воздухе:

– Вы только взгляните! Донесения из кабинета министров все сплошь пестрят его записями. Всюду, куда не сунься, везде он! Самый умный. Самый талантливый. И всё, то он знает! И, как императрице угодить, и как её позабавить, и чем удивить, и чем порадовать. На балах первый кавалер – Волынский. На заседаниях первый человек – Волынский. На докладе у государыни первый – опять Волынский. Царскую охоту провести – он. Устроить представление в зверинце – он. Раздобыть арабских скакунов, чтоб ублажить Бирона – всегда он. Ружья по всем комнатам у окон расставить, чтоб государыня могла ворон стрелять – опять его затея. Как говорит русская пословица, и швец, и жнец, и на дуде игрец!

Левенвольд скрестил на груди руки и терпеливо слушал, как Остерман выпускает пар. И ему есть, отчего негодовать. Волынский, не считаясь с ним, переключил всю работу Кабинета на свой лад.

И самым непростительным был тот факт, что он разделил все обязанности Кабинета между министрами, таким образом, выдернув у Остермана нить, через которую тот управлял всем единолично. Теперь у Андрея Ивановича даже отпала необходимость являться в Кабинет (хоть он и делал это крайне редко).

Однако канцлер не сдавался; он письменно критиковал решения коллег и требовал изменить формулировки проектов указов. Из-за его капризов, Волынскому приходилось направлять ему бумаги на согласование, прежде, чем отдать на подпись императрице. А Остерман, чтоб досадить конкуренту, намерено оттягивал решение или уклонялся от него.

Но, зная Остермана, Левенвольд понимал, что это мелкая пакость, в сравнении с тем, что в действительности способен сделать Остерман тому, кто перейдёт ему дорогу. Ведь кто, как не он, искусственный в интригах, знает, как сплести замысловатую сеть, из которой не выпутаться.

Выслушав гневные тирады патрона в адрес ненавистного соперника, Левенвольд покрутил серьгу и вкрадчиво произнёс:

– Да... Но пока что государыня и герцог Курляндский от Волынского в полном восторге.

– Вы правы, мой друг, употребив верное слово «пока», – довольный собой заметил ему Остерман, залезая руками в рукава кафтана.

– Я заинтригован.

– Вы знаете, что я никогда не умаляю сильных сторон противника. А Волынский, пожалуй, самый сильный из всех, с кем мне доводилось встречаться. Он умен и образован, мудр и хитёр в равной степени. Он хваток и дерзок. Он невероятно трудоспособен и силен. И, в отличие от прежних конкурентов, у него есть одно важное преимущество – он не одинок.

– Что Вы имеете в виду?

– Вокруг него, как явного лидера, сформировался круг единомышленников. Целая партия! И это не клеветы, как у Бирона, которые лебезят перед ним из-за боязни попасть в опалу. Это соратники, столь же деловые и просвещённые, стремящиеся к переустройству общества, – он принялся загибать пальцы, – Еропкин, Соймонов, Хрущёв, Эйхлер.

– Вы правы. Собственная партия – это мощь, которой трудно противостоять.

Остерман небрежно нацепил парик, рассматривая своё отражение в зеркале:

– Но у этой партии есть и слабая сторона: в неё не входит ни один, по-настоящему, влиятельный вельможа, такой как Трубецкой, Черкасский или Головкин, чей авторитет при дворе безукоризненно поддерживается и императрицей, и фаворитом. А, значит, и влияние сей партии не так уж и непоколебимо.

– А ведь верно.

– Поверьте, мой друг, в любом самом страшном и сильном сопернике можно найти слабую сторону. И у Волынского она тоже есть.

– Какая?

– Его беда в том, что он, в силу своих неуёмных амбиций, никак не может успокоиться тем, чтобы занять удобную нишу в окружении государыни, как это сделали, например, Вы или Миних. Да и я сам. Достигнув какой-то определённой высоты, Волынский тут же стремится к покорению новой, в желании быть первым и незаменимым всюду и сразу!

– Да, пожалуй.

Остерман нахлобучил поверх парика шляпу:

– И не случайно я где-то позволяю себе уйти в сторону, уступая главную роль Волынскому. Я прекрасно сознаю, что выдвижение яркого и властного соперника на первый план, его претензии на место первого советника государыни, создание им своей партии – всё это подрывает позиции не только мои, но... и самого Бирона.

Остерман многозначительно поднял вверх палец. Левенвольд понимающе кивнул:

– Поэтому, рано или поздно Волынский неминуемо должен будет столкнуться с фаворитом?

– Безусловно. И, если Бирон не сможет разглядеть что-то сам, то я сочту за долг уведомить его в этом. Поэтому пока все вокруг упиваются достоинствами и победами Волынского, я терпеливо, по крохам, собираю факты, которые можно списать на его промахи.

И, в подтверждение своих слов, Андрей Иванович вынул из ящика стола картонную папку, перевязанную тесьмой, и продемонстрировал её Левенвольду.

– Ого! Судя по объёму, я вижу, Вы чрезвычайно в этом преуспели! – удивился тот.

Придерживая папку подмышкой, Остерман второй рукой прихватил неизменную трость и направился к двери:

– Разумеется. Ведь, во-первых, не ошибается из нас лишь тот, кто ничего не делает, – нравоучительно сообщил он, – А, во-вторых, на одно и то же событие всегда можно взглянуть с разных сторон.

Левенвольд подхватил шляпу и устремился за ним:

– О! В этом искусстве, я знаю, Вам равных нет.

Андрей Иванович хищно улыбнулся в ответ на его комплимент:

– И вот что я Вам скажу. Звезда Артемия Волынского очень скоро сорвётся с небосклона и будет повержена ниц.

От его голоса у Левенвольда пробежали мурашки по спине:

– Что Вы намерены сделать? – шёпотом спросил он.

– Я намерен нанести визит герцогу Курляндскому. И очень рассчитываю на то, что Вы, друг мой, меня к нему отвезёте.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– А как же прогулка?

– Позже.

апартаменты герцога Курляндского

– Андрей Иванович! Какой сюрприз! – восторженно встретил его Бирон, любезно приглашая присесть, – Последнее время Вы нас совсем не балуете визитами.

– Я бы рад видеть Ваше сиятельство чаще. Да здоровье не позволяет, – посетовал тот, кряхтя, слезая с носилок и устраиваясь удобнее в кресле, поближе к камину.

– Из чего я заключаю, что обстоятельства, которые вынудили Вас прийти, крайне важны.

– Вы очень проницательны, граф.

– Чаю?

– С удовольствием.

Бирон отдал распоряжение слуге и обосновался в кресле напротив канцлера, скрестив пальцы рук в предельном внимании:

– Итак, что случилось?

– Не могу сказать, что случилось что-то внезапное, – тянул Остерман, создавая интригу, – Скорее, это череда событий, которые я наблюдаю вот уже некоторое время. Все они исходят от одного дерзкого человека. И несут пагубное влияние...

– Вы имеете в виду Волынского? – догадался Бирон, не дав ему договорить.

– Я рад, что мы с Вами так хорошо понимаем друг друга, – улыбнулся канцлер и расстегнул пуговицы на кафтане, стесняющие дыхание.

– Признаться, меня самого тяготит этот человек, – неожиданно посетовал Бирон, – Хотя я лично способствовал его выдвижению в министры.

– Вы абсолютно правы! – азартно подхватил Остерман, – Вы выдвигали его на должность министра, и не более! А чем отплатил Вам этот неблагодарный человек? Он заполнил собой всё пространство вокруг государыни, вытеснив оттуда всех, кто прежде был мил её сердцу.

– Это так. Анна и дня не может обойтись без его общества. Он первым является к ней с утра с докладом. И они воркуют более часа. Стоит ему отлучиться, как она скучает. И просит послать за ним, – Бирон нахмурил брови, – Вы, должно быть, назовёте это ревностью?

– Я назову это прозорливостью.

– Похоже, Вы располагаете фактами, куда более значительными. Говорите же!

Андрей Иванович, получив такой откровенный посыл, понял, что пробил его звёздный час и решительно развязал тесёмку на папке.

– Ваше сиятельство, опасения, что Вы испытываете, небеспочвенны. И я Вам сейчас представлю яркие тому доказательства. Первое, что сделал Волынский, заступив на должность министра, так это поспособствовал продвижению своего соратника Эйхлера в должности личного секретаря императрицы, – и протянул Бирону приказ об этом назначении, заверенный подписью самого фаворита, – Смекаете? А это, по сути, внедрение тайного агента в покои к государыне. Эйхлер молод, умен, приятен в общении. Анна Иоанновна в его лице быстро приобрела верного друга. А Волынский – осведомителя. Откуда, по-вашему, он черпает идеи, зная лучше всех, как и чем угодить государыне?

– Вот чёрт! Я и не предполагал тогда, что этот Эйхлер его соратник.

– Не вините себя. В то время о соратниках Волынского было рано говорить. Их попросту не было. Зато сейчас – целая партия! И этот факт должен настораживать нас всех, – Остерман чуть наклонился вперёд, – Заметьте, Ваше сиятельство, ни у кого из придворных вельмож нет своей партии. А у Волынского есть. Мне известно, что они регулярно собираются вечерами в его доме и обсуждают различные проекты.

– Это похоже на заговор! – всколыхнулся фаворит.

– Вот именно, – поддакнул канцлер, отхлебнул чаю и продолжил, – Правда, до некоторых пор эти разговоры сводились лишь к тому, как лучше организовать то или иное развлечение для государыни, включая охоту, зверинец и прочее.

– Вы сказали «до некоторых пор», – заметил Бирон, – Что это значит?

– Я к этому вернусь чуть позже, – мягко уклонился от ответа канцлер и вынул из папки следующий листок, – Но должен заметить, что Волынский старается угодить не только Анне Иоанновне. Он в той же степени любезен и услужлив к Анне Леопольдовне. И бывает у неё с визитами чаще иных придворных. Вот. Извольте взглянуть. Здесь все его визиты к принцессе за последний год.

– Из этих записей следует, что он бывает у неё почти каждый день!

– Совершенно верно. И принцесса его жалует, принимает с удовольствием. А о чём они рассуждают в её апартаментах за чашкой чая, одному богу известно.

– В чём подвох? – насупился Бюрен.

– Согласитесь, какой дальновидный ход. Особенно теперь, когда известно, что царевна ждёт ребёнка. Ведь все уже присягнули этому не родившемуся младенцу, как будущему императору. А, в случае, простите, кончины императрицы, её племянница станет регентшей. И Волынский уже заранее выхлопотал себе её расположение. А, следовательно, и первую должность при дворе на будущее.

– Каков прощелыга!

– Уверен, он уже мнит себя главным распорядителем при новом дворе, так как его поступки уже сейчас выказывают явное пренебрежение интересам нынешних привилегированных особ. Я имею в виду, Ваше сиятельство.

– Что?!

– Судите сами, – Остерман протянул ему следующий лист, – Недавно в Кабинет на рассмотрение поступила бумага от представителей польского шляхетства с требованием возместить им деньгами ущерб, нанесённый русскими войсками, проходившими через польские территории за период войны с Портой. Волынский составил проект ответа с категоричным отказом и прислал мне на согласование. Прошу ознакомиться. Улавливаете?

И, видя лёгкое недоумение в лице Бирона, канцлер тут же дал ему полный расклад:

– Ведь небезызвестно, что с некоторого времени Вы, Ваше сиятельство, будучи титулованным герцогом Курляндии, являетесь поданным польско-саксонского короля. И, следовательно, тоже могли бы претендовать на часть той выплаты, о которой ходатайствует шляхетство Польши.

– О! – озарился герцог неожиданно открывшейся перспективе.

– Теперь понимаете, что требованием отказать польскому шляхетству, Волынский открыто, выражает пренебрежение Вашим интересам?

– Каков наглец!

– И это легко прослеживается и в иных его поступках. Не далее, как вчера вечером вышел казус: господин Волынский осерчал на придворного поэта Тредиаковского, и отлупил его прямо во дворце, пока они оба дожидались Вашей аудиенции.

– Побил? За что?

– Причина пустяковая. Накануне Тредиаковский получил выволочку от Волынского за то, что непозволительно затянул сроки написания торжественной оды для шутовской свадьбы. Тредиаковскому показалось, что с ним обошлись не любезно, и он решил пожаловаться Вашему сиятельству. А наутро Волынский, увидев его у порога Вашего кабинета, смекнул, для чего тот явился, и в сердцах вторично отходил его так, что будь здоров! Прямо у кабинета Вашего сиятельства. Разве это не говорит о том, что Волынский откровенно презирует Ваш авторитет? Он позволяет себе лупить Ваших посетителей, причём в Вашей же резиденции!

– Мерзавец.

– Погодите. Сейчас самое время вернуться к разговору о вечерних посиделках Волынского с соратниками. Итогом этих посиделок стало написание Волынским так называемого «Генерального рассуждения о поправлении внутренних государственных дел», которое он готовит представить Её императорскому величеству. А знаете, в чём суть сего великого трактата?

– И в чём же?

– Волынский ратует в нём за усиление политической роли русского дворянства. Догадываетесь, на что нацелен его выпад? – и, видя, опять непонимание в глазах собеседника, сделал страшное лицо, – Это завуалированная жалоба государыне на то, что немцы заняли при её персоне все высокие должности и управляют страной. Это камень и в мой огород, и в Миниха, и братьев Левенвольдов. Но, думаю, не надо называть Вам имя того, кто им видится главным немцем за спинкой трона?

К лицу Бирона мигом прихлынула кровь. И он сделался багряным.

– Вот текст его чернового варианта, – Остерман любезно протянул ему листы, исписанные размашистым почерком, и ядовито добавил, – Хочу заметить, что Артемий Петрович вовсе не скрывает ни от кого своих идей. И текст этого проекта он свободно обсуждает с соратниками. Даёт им вести записи своих речей и даже отдаёт править свои собственные заметки.

– То есть никого не боится? – угрюмо засопел Бирон, подрагивая крылышками ноздрей.

– Понимаете, да? – многозначительно намекнул канцлер.

Левенвольд уже крепко дремал в карете, истомившись долгим ожиданием, когда, наконец, дверца открылась и, возникший в её проёме Остерман, сидя на носилках, обратился к нему с просьбой:

– Помогите мне пересесть в карету.

Левенвольд засуетился, придерживая дверь, пока слуги кряхтели, перетаскивая больного Остермана с носилок на сидение кареты.

– Ну, как прошла встреча?

– Прекрасно! – отозвался канцлер.

Он пребывал в хорошем расположении духа. Лицо его так и светилось.

– Что с прогулкой? Передумали?

– Напротив. Едемте! – решительно заявил тот, – И велите кучеру проехать по набережной. Хочу полюбоваться этим невероятным замком из льда.

У Левенвольда в изумлении выгнулась бровь:

– Вы же запретили мне даже упоминать о нём.

– А теперь хочу видеть. Более того, завтра с супругой лично поеду на торжество. Обещают, что будет диковинное зрелище, невиданное по размаху и великолепию. Такое нельзя пропустить.

– С чего вдруг Вы так переменялись? – насторожился Левенвольд.

– Надо отдать должное стараниям Волынского, – ответил Остерман и любовно погладил набалдашник трости, – Как знать? Может, это последнее яркое событие в его блестящей карьере.

набережная Невы

Праздник, организованный Волынским, удался на славу. Шуточная свадьба в ледяном доме, проведённая с размахом, красочная и помпезная, произвела неизгладимое впечатление на жителей столицы. Не оставила она равнодушными и иностранных гостей; все они в подробностях долго и с восхищением описывали это действие в письмах своим монархам.

Событие это на долгие годы осталось в памяти народа, потому, что его неустанно передавали из уст в уста на протяжении нескольких поколений. История про молодожёнов, которых после церемонии венчания оставили в ледяном доме на ночь, так запала всем в душу, что обросла легендами. Служители муз ещё долго вдохновлялись ею и в последующие века: художники писали картины, поэты слагали песни и драматурги ставили пьесы.

А сегодня очевидцы наблюдали это грандиозное празднество воочию.

Прямо возле зимнего дворца на берегу замёрзшей Невы были сооружены зрительские места для государыни и её приближённых. Чтоб влиятельные вельможи не застудились, созерцающая свадебную церемонию и праздничные шествия гостей, под их сидениями разместили котлы с горячей водой. И слуги, приставленные присматривать за этими котлами, отдавали распоряжение менять в них воду по мере того, как она остужалась на морозе.

Остальные зрители свободно разместились стоя по всей набережной, как с адмиралтейской стороны, так и с Васильевского острова.

По окончании свадебной процессии, программа перешла в развлекательные номера. Желавшие могли подойти к ледяному дому и пристально рассмотреть сквозь прозрачные стены все затейливо вылепленные из льда предметы обстановки: мебели и даже посуды.

На берегу были установлены карусели. Давали представления скоморохи и итальянские комедианты. А дети и юное поколение развлекались катанием на салазках.

Две Анастасии, Лопухина и Ягужинская, стоя на вершине склона, придерживая за верёвку салазки, отчаянно высматривали в толпе Трубецкого:

– Ну, где Петька? Куда он девался?

– Сколько можно ждать!

Покрутив головой, Настасья вдруг увидела брата и призывно замахала рукой:

– Эй! Иван! Прокатишься с нами?

Тот подбежал, отряхивая с рукавиц снег:

– Чего? Трусите, гусеницы мелкие?

– Хватит нас так называть, – обиделась Ягужинская, – Мы давно уже выросли.

– Сейчас проверим! – коварно усмехнулся Иван, – А ну, садись! Да держитесь крепче!

Они обрадовались и живо обосновались на салазках; Настя впереди, Ягужинская за ней.

– Иван! Настя! – остановил их чей-то громкий радостный окрик.

– Николай..., – удивилась Лопухина, узнав в подбежавшем парне своего знакомого из Москвы молодого князя Головина, – Откуда ты взялся?

– Мы всем семейством приехали на празднование Белградского мира. А тут такое! – он, не в силах подобрать слов, указал рукой на ледяной дом, – Аж, дух захватывает! В Москве такого не увидишь.

– Это уж точно! – поддакнул Иван, приветствуя Головина крепким рукопожатием, – Ну, что, Николай! Прокатимся?

– А у меня вот свои салазки, – он дёрнул за верёвку, подкатив деревянные санки к ногам. И хитро прищурился, – Может, махнём наперегонки?

– Давай! – азартно подхватил Иван.

Николай протянул руку Лопухиной:

– Настя! Идём со мной!

– Сеструха, пересаживайся, – распорядился Ванька и похлопал по плечу Ягужинскую, – Не дрейфь! Сейчас мы их сделаем!

– Раз, два, поехали! – скомандовал Лопухин Головину. И оба, разбежавшись, запрыгнули в сани и вихрем понеслись с откоса.

– И-и-и-и, – визжала Ягужинская, жмурясь от летящего в лицо ветра, и жалась к Ивану.

Он, обнимая её сзади одной рукой, другой держал верёвку и лихо правил салазками. Они укатились далеко, почти до середины Невы. Выбравшись из санок, первым делом оглянулись в поисках соперников. И, приглядевшись, увидели, что санки Николая с Настюхой, не проехав и половины пути, опрокинулись на бок.

– Ура-а-аа! – заголосил Ванька, – Я же говорил, мы их сделаем!

– Ураааа! – восторженно подхватила Анастасия и, подпрыгнув, повисла на шее у Ивана.

Тот, поскользнулся, нелепо взмахнул руками и, не удержавшись, рухнул на спину, увлекая за собой Ягужинскую.

Смеясь и куражась, поднялись, помогая друг другу отряхнуться от снега.

– Ты не ушибся? – озабоченно спросила Ягужинская, – Как твоя рана в боку?

– В порядке.

Анастасия, сняв рукавицу, заботливо вытаскивала застрявшие комья снега у Ваньки из-под воротника. При этом, запуская руку ему за ворот, с трепетом скользила ладонью по горячей шее и чувствовала, как сама тихо млеет от этих прикосновений...

Но Лопухин, ничего не подозревая, позволял Анастасии нырять руками ему за шиворот. И внезапно краем глаза заметил, что неподалёку от них скатились в салазках Аня Славянская с Михаилом Воронцовым.

Нюта с Иваном тут же встретились глазами и обожгли друг друга ревнивым всполохом. Лопухин окатил презрительным взглядом Воронцова, а Нюта, поджав губы, уничижительно покосилась на Ягужинскую.

Воронцов, завидев Лопухина, живо подхватил санки и повёл Анюту прочь. У Ивана зыграла кровь. Он не видел Анюту почти полгода, с того самого злополучного дня рождения у Кати Кантемир. И бесился от того, что никак не мог понять причину её внезапной перемены. Но видеть рядом с нею надутого щёголя Мишку Воронцова было выше его сил. Поэтому Ванька

наспех пригладил выбившийся из-под шапки чуб и решительно двинулся за ними – выяснять отношения.

– Ты куда? – растерялась Ягужинская.

– Я пойду. У меня тут... короче, надо, – без лишних слов отрезал Иван.

– А как же я?

– Да не бойся. Вон твой кавалер уже бежит! – узрел он вдалеке запыхавшегося от бега Трубецкого.

– Какой ещё кавалер?

– Известно, какой! Труба! Видишь, как торопится.

– Иван, – жалобно позвала она, но Лопухин уже не слышал её, он умчался.

– Вот дурак, – надулась Ягужинская, – Ничего-то ты не понимаешь. Да разве ОН мне нужен?

– Анастасия! Я здесь! – кричал Петька, призывно махая ей шапкой.

Николай помог Настасье подняться и вдруг одним решительным движением обнял за плечи и прижал к себе в намерении поцеловать. Она, не растерявшись, огрела его рукавицей по шапке и оттолкнула:

– Эй! У вас в Москве все такие быстрые?

– А чего? – засмеялся он, – Ты мне нравишься. Я уж полгода тебе об этом в письмах пишу.

– Мало ли кто чего пишет, – зарделась она.

– Вот так раз.

– Я же тебе ничего эдакого не пишу.

– Верно. Потому, как девице положено проявлять скромность.

– Ишь ты! – поразились Настя.

Головин заломил шапку на затылок и бравурно сообщил:

– Я вот завтра приду к твоему батюшке со всей роднёй и посватаю тебя.

– Ещё чего! – испугалась Настасья, – Даже не вздумай!

Николаю, при виде её напуганных глаз, стало смешно:

– Ну, ладно. Мала ты ещё, видно. Так и быть, годик подожду.

Она строго поджала губы, завязала туже шаль под подбородком и гордо пошла прочь, фыркая на ходу:

– Тоже мне, жених выискался! Хоть бы сперва меня спросил!

Иван нагнал Анюту с Воронцовым:

– Добрый день, госпожа Скавронская.

– Здравствуйте, Лопухин, – холодно отозвалась она.

– Прекрасный день, не правда ли?

– Вот и не будем его портить, – намекнул Воронцов, сверля взглядом Ивана.

– Смотри под ноги, Миша! – язвительно предупредил его тот, – А то ты у нас известный любитель падать носом.

Михаил побагровел.

– Анна, позволь переговорить с тобой с глазу на глаз, – обратился к ней Иван.

Но Воронцов тут, же выпятил грудь колесом, встал между ними:

– Катись-ка ты с горы, Лопухин! А то, как бы самому в этот раз не упасть носом!

Ванька нарочито игнорировал его:

– Анна...

– Да ты не слышишь, что ли?! – взъярился Михаил.

Иван, молча, отнял у него из рук верёвку и разжал пальцы; салазки Воронцова, подпрыгивая, покатались с откоса вниз.

– Ой! – невинно заметил Ванька, – Миша, у тебя санки укатились. Пойди, догони!

Воронцов обеими руками вцепился в кафтан Лопухина, и завязалась драка. Анюта переполошилась:

– Перестаньте! Что вы делаете?

Ванька подножкой свалил Михаила с ног. И уселся ему на спину, нещадно макая того лицом в снег. Но Воронцов изловчился и наотмашь саданул Лопухину локтем в бок. Иван охнул и упал ничком, корчась от боли.

Нюта отчаянно схватила Воронцова за воротник:

– Миша! Отпусти его! У него же рана в боку ещё не зажила!

И буквально оттащила от Ивана разъярённого Воронцова за шиворот, будто охотничьего пса. Михаил тяжёло сопел, вытирал с лица снежные потёки и в недоумении глядел на Анюту.

– Пожалуйста, отойди ненадолго, – попросила она его, – Дай нам переговорить.

Воронцов насупился. Но противоречить не стал. И, подобрав с земли шапку, заспешил вниз на поиски укатившихся салазков.

– Больно? – испуганно спрашивала Нюта, присев рядом с Иваном. И отогнув край его полушубка, вдруг заметила мокрое алое пятно на рубашке, – Господи! У тебя кровь!

– Порядок, – отмахнулся он, зачерпнул в ладонь снега и вытер лицо, – Анюта, скажи, что случилось? Из-за чего ты на меня злишься?

Она потупила взгляд:

– А ты будто не понимаешь?

– Не понимаю! Ведь всё было так хорошо.

– Было..., – вздохнула Нюта, – Пока я думала, что я у тебя единственная.

Иван прижал руки к груди:

– Но ты у меня единственная!

– А как же Ягужинская?

– Причём тут Ягужинская?

Анна ревниво прищурилась:

– Ты весь вечер танцевал с ней у Гессенских.

– Оттого, что ты танцевала с Бергером!

– Ты подарил ей веер!

– Но ты не захотела его взять.

– Ты даришь ей другие подарки.

– Какие?

– Откуда мне знать! – вспыхнула она.

– Это неправда.

– Ты подговариваешь на балу других кавалеров не приглашать её танцевать, оттого, что ревнуешь! – вспомнила Анюта.

– Какая чушь! Впрочем, это было не из-за ревности...

– Ах, всё-таки было!

– Да, нет же!

– К чему отпираться? – язвительно поддела она его, – Ты только что скатился с горы с нею в одних салазках!

– Да ты-то сама катилась в санках с Воронцовым!

– Она тебя обнимала! Я видела!

– Глупости! Она вытряхивала снег у меня из-за ворота!

– Ты дрался из-за неё на дуэли! – не сдавалась Анюта.

– Я дрался из-за *тебя*!!

– С кем?

– С Бергером.

– Да?! А с Трубецким?

– С Трубецким из-за Ягужинской, – покаялся он.

– Вот! Видишь! – восторжествовала она.

– Чёрт! – взорвался Ванька, – Да это всё ерунда какая-то!

– Вот именно, ерунда, – вдруг тяжело вздохнула Нюта, поднимаясь, – А я-то думала, что это... любовь.

Иван не успел ничего сказать в ответ. Вернулся Воронцов, волоча салазки. И придирчиво оглядел обоих:

– Анюта, пойдём, – настойчиво сказал он, беря Анну под руку.

Она послушно позволила себя увести. И даже не оглянулась. Иван остался один в полной растерянности.

К нему подошла сестра Настюха:

– Я больше с Головиным кататься не буду! – обиженно заявила она.

Следом подбежали Трубецкой с Ягужинской:

– Эй, Лопух! Чего расселся? Пошли кататься! – весело окликнул его Петька.

Анастасия заметила через его распахнутый полушубок алое пятно на рубашке:

– Иван, у тебя рана открылась!

Он отпрянул от неё. И выставил вперёд палец, угрожающе сообщил:

– Не подходи ко мне!

Ягужинская оторопела.

– Лопух, ты чего? – насторожился Петька, тут же вставая на её защиту.

– Никогда ко мне больше не подходи! – предупредил Ванька, глядя недобро в лицо Анастасии, – У меня от тебя одни неприятности.

Ягужинская обиженно поджала губу и вдруг, развернувшись, убежала прочь.

Петька сжал кулаки:

– Ну, Лопух. Я с тобой потом поговорю, – и бросился догонять её, – Анастасия! Постой!

Иван запахнул плотней полушубок и быстрым шагом направился в другую сторону. Настя Лопухина, оставшись одна, в изумлении повела плечами:

– Вот тебе и раз. А мне чего делать? – и махнула с досады рукой, – Ну и ладно! Пойду домой.

Анна Леопольдовна, укутанная в тяжёлую шубу, подбитую соболиным мехом, с интересом наблюдала, как резвятся молодые люди, катаясь с откоса, и потянула тётушку за рукав:

– Я тоже хочу прокатиться.

– Нет уж, голуба моя! – пресекла её желание на корню императрица, – Сиди теперь смиренно. Ты в своём чреве наследника престола носишь. Не дай бог, чего там с тобой на горке приключится!

Анна обиженно надула губы:

– Теперь мне что же, и пошевелиться лишний раз нельзя?

– Нельзя, – категорично отсекла все препирательства государыня.

Принцесса глубже залезла носом в шубу и начала тихо всхлипывать.

– Анна! – тут же услышала она гневный окрик тётушки, – Прекрати реветь! О ребёнке подумай!

Принцесса закатила глаза:

– Да что ж такое...

Юлия заботливо погладила её по спине:

– Не переживай. Хочешь, я тоже не пойду кататься?

Она покосилась на подругу:

– Спасибо, – и вздохнула, – Только ты-то чем виновата? Иди, прокатись.

Юлия, плохо скрывая радость, вылезла из тяжёлой шубы:

– Ну, тогда я только один разочек. Можно?

– Иди уже.

На склоне, приготовившись скатиться, усаживались в салазки Мария Волынская и Екатерина Кантемир. Маша, завидев фрейлину Менгден, поманила её рукой:

– Юлия! Идём с нами! У нас в салазках место есть!

Она радостная подбежала и уселась третьей позади.

– Эге-гей! – вдруг налетел откуда-то Голицын, хватаясь на верёвку их салазок, – Подтолкнуть вас, девчата?

– Да! – обрадовались Маша с Катей.

Митяй обошёл салазки и неожиданно увидел сидящую позади Юлию. И опешил:

– Простите. Госпожа Менгден, Вы не возражаете?

– Нет, не возражаю, – ответила она, глядя ему в лицо.

– Ну, тогда поехали-и-и! – зычно крикнул он, упершись в край с деревянными рейками, и взял разбег.

– Аааааа, – хором завизжали девушки, устремляясь навстречу ветру.

Митяй разогнал салазки и в последний момент передумал и запрыгнул тоже, навалившись сзади, и подмял под себя сразу и Юлию, и сидящих впереди Машу с Катериной. И со всей этой кучей-малой салазки с нарастающей скоростью понеслись вниз.

У всех четверых захватило дух оттого, что перед глазами всё полетело кувыркком, а в лицо засвистал ветер со снегом. А Митяй, чтоб не вывалиться на ходу, ещё крепче обнял Юлию и даже прижался щекой к её щёке.

– Аааа-ооо-ууу, – в панике кричали все на разные голоса, неистово хватаясь друг за друга.

В конце пути они плавно вписались в мягкий сугроб и все вчетвером вывалились, дружно за борт, громко хохоча, забарахтались в снегу.

– Голицын! Ты сумасшедший! – отхлестала его муфтой Маша Волынская, – Я думала, мы разобьёмся!

– Я чуть не умерла со страху, – призналась Катерина и, скатав снежный колобок, запустила в Митяя.

– А давайте его в снегу закопаем! – озорно предложила Юлия, угрожающе поправляя рукавицы.

– Точно! – поддержала Маша, – Ну, Голицын, берегись!

И все троём дружно набросились на него, повалив в сугроб. Митяй хохотал, извивался ужом, и вырывался, как мог:

– Эй, девчата, вы чего? Перестаньте! Я щекотки боюсь!...

Но они безжалостно извалили его в снегу, так, что снег попал за шиворот и заструился по спине. Он не остался в долгу – перетискал всех троих и закидал снегом. Наконец, все умаялись и уселись, весело хохоча друг над другом и вытряхивая снег отовсюду; из рукавичек, из валенок и из-за шивороты. Голицын, с алым румянцем во всю щёку, вскочил, откопал салазки и бросил боевой клич:

– Ну, что? Скатимся ещё раз?

Девчонки переглянулись:

– А давай! – азартно откликнулась Маша, – Пошли! Ещё раз!

– Мне пора идти, – развела руками Юлия, – Анна Леопольдовна меня ждёт.

– Я провожу, – живо вызвался Голицын.

Но она остановила его властным взглядом:

– Не надо.

И ушла.

Голицын, быстро сделав вид, что всё в порядке, весело подмигнул девчонкам:
– Как говорится, любишь кататься, люби и саночки возить, а?
Они дружно встали по обе стороны от него и тоже взялись за верёвку.
– Эх, мчится тройка удалая! – призывно крикнул Митяй и скомандовал, – Айда на гору бегом!

Невская перспектива, трактир «Остерия»

Иван с Митяем коротали вечер в трактире «Остерия». Изрядно выпив венгерского впоремешку с пивом, Лопухин уронил руку на плечо приятеля:

– Слышь, Митяй, мне нужен твой совет.
– Валяй.
– Ты ведь среди нас самый искушённый в амурных делах.
– Пожалуй, – не без гордости откликнулся тот.
– Выручай.
– Чем могу?
– Понимаешь, какая ерунда... Анюта ревнует меня к Ягужинской.
– К кому?! – фыркнул Голицын и чуть не поперхнулся.
– Вот! И я о том же! – подхватил Иван, – Вбила себе в голову, что между нами что-то есть. Ну, будто бы потому, что я из-за Настьки на дуэли дрался, и ещё кучу всякой другой чепухи припомнила... Одним, словом, я не знаю, что делать.
– Так поговори с ней и объясни.
– Я пробовал. Не вышло.
– Почему?
– Чёрт его знает. Я как-то не силён в красноречии. Взялся объяснять, да ещё больше запутался.
– Ну, хочешь, я с ней поговорю?
– Нет, это плохая идея.
– Почему?
– Она ведь знает, что ты – мой друг. И решит, что ты просто выгораживаешь меня.
– Может, Труба?
– Скажешь тоже! – возмутился Иван, – Сперва мне придётся Трубе доказывать, что с Ягужинской у меня ничего нет! А это ещё хуже, чем Анюте; ведь знаешь, одно её имя на него действует, точно красная тряпка на быка!

Голицын почесал затылок:

– Значит, Анюте должен всё объяснить кто-то, кому она доверяет. И кого послушает.
– Сестрица Елизавета что ли? – гоготнул Ванька, – Воображаю! Она, небось, до потолка рада, что у нас с Нютой разлад случился.
– А подруги у неё есть? – допытывался Голицын.
– Не знаю.
– С кем она приходила на день рождения к Кантемиру?
– С Машей, кажется.
– Вот! – хлопнул в ладоши Митяй, – Вот, кто нам нужен! Маша! Вставай, пошли.
– Куда?
– К Волынским.
– Стемнело уже, – озадачился Иван, – Поздновато для гостей.
– Брось! Волынские рано спать не ложатся, – со знанием дела заявил Голицын, – У Артемия Петровича всякий вечер гости. Допоздна. А бывает, и до утра сидят.

Друзья подхватили шляпы, запахнули плотней кафтаны, и двинулись в ночь к набережной Мойки, где стоял дом Артемия Волынского.

Сверху зарядил не то дождь, не то снег, и всю дорогу неприятно хлестал им в лицо мелкой колючей крупой. Пока добрались до места, изрядно вымокли и промёрзли.

– Надеюсь, не зря проделали такой путь, – ворчал Иван, отстукивая зубами марш, – Чашку горячего чая нам хоть нальют?

– Всенепременно! – пообещал Голицын.

В доме Волынского большая часть окон была освещена. Рядом с крыльцом стояли кареты.

– Вот видишь! – радостно воскликнул Митяй, – Я же тебе говорил, тут гости. Никто и не думает спать.

– Погоди, – остановил его Лопухин, хватая за рукав, – Там люди возле кареты. И кареты странные какие-то, с решётками на окнах.

Друзья многозначительно переглянулись.

– Тайная канцелярия? – с ужасом спросил Голицын.

– Она самая! Только люди Ушакова разъезжают в таких каретах.

– Так, может, сам Ушаков в гостях у Волынского? – глупо предположил Митяй.

Лопухин постучал ему пальцем по лбу:

– Ты дурак? Ушаков по гостям в таких каретах не ездит. Только по служебной надобности.

– А что ему от Волынского-то нужно?

– Тихо! – Ванька зажал рот приятелю и увлёк его за дерево, узрев движение на крыльце дома.

Из парадных дверей показались сперва караульные, следом вышли четверо мужчин в дворянской одежде, с заложенными за спину руками. И, подталкиваемые дулами мушкетов в спину, уселись в первую карету.

– Это же соратники Артемия Петровича, – выдохнул Голицын, – Соймонов, Еропкин, Эйхлер. Четвёртого не рассмотрел.

Далее из дома вышел сам хозяин с детьми. Две дочери, Анна и Мария были в платьях и в наспех наброшенных на плечи шалях. И младший сын в длинной рубаше, видимо поднятый с постели. Их вчетвером разместили во второй карете.

В третью погрузили прислугу и управляющего. Кучера щёлкнули кнутами, и все три кареты плавно друг за другом двинулись вдоль набережной Мойки в сторону Невы, где была накатана по льду зимняя дорога на Заячий остров.

Иван с Голицыным уставились с недоумением друг на друга:

– Что это было? Арест?

– Не иначе.

– Волынского?! Любимца государыни? Первого человека? За что?!

– А я почём знаю!

– Ты погляди, всех вывели под чистую! И гостей, и даже прислугу!

Иван снял шляпу и вытер ею мокрое от снега лицо:

– Это просто повезло, Митяй, что нас с тобой там не было.

Волынский был арестован в начале апреля. Вместе с ним подверглись аресту его семья, слуги и все, кто был в числе его конфиденентов. Бирон, озлобленный на бывшего протезе, теперь видел в нём опасного соперника, и потому в качестве повода для ареста Волынского им была выдвинута версия злого заговора против государыни.

Анна Иоанновна была расстроена и смущена этим обстоятельством; она испытывала доверие и привязанность к Волынскому, поэтому отказывалась верить в его преступные намерения, и даже хотела предпринять попытки повлиять на следствие. Но герцог Курляндский

на пару с Остерманом решительно удерживали её от этих действий. И настаивали на том, чтоб следствие по делу Волынского велось со всей строгостью. Поэтому два месяца в застенках Петропавловской крепости продолжались допросы и пытки всех подозреваемых.

Анна Иоанновна, ввиду пошатнувшегося здоровья, не могла противостоять напору Остермана с Бироном и вынуждена была смириться, в душе надеясь, что в ходе следствия всё-таки выяснится, что вины Волынского никакой нет. В его отсутствие она скучала. Ведь последние два года Артемий Петрович искромётными идеями, острым словом, фантазией и жизнерадостностью начинил её досуг нескончаемыми забавами. Государыня печалилась и искренне переживала за его участь. И эти переживания ещё больше усугубляли её недуг.

Франция

После заключения мира между Россией и Портой через посредничество Франции его величество король Людовик XV отправил к петербургскому двору посла.

Надо напомнить, что отношения между Францией и Россией были запутаны и недружелюбны ещё с польского конфликта 1733 года. При осаждении Данцига, армия Миниха взяла в плен французское войско по неосторожности вместе с французским дипломатом Маньяном. В Версале по этому поводу сочли себя оскорблёнными. И с тех пор вот уже семь лет, как при русском дворе не было представителя Франции.

Но в улаживании русско-турецкого военного конфликта, русская царица (по настоятельному совету Остермана) выразила надежду на посредничество французского короля. И это послужило приглашением к возобновлению дипломатических отношений, от которого Франция не отказалась.

После подписания Белградского мира, от России к Версальскому двору был направлен в качестве посла молодой князь Кантемир, а в ответ король Людовик XV уполномочил к должности французского посланника в Санкт-Петербург маркиза де ля Шетарди.

Французский посланник очень пышно оформил свой приезд; таково было указание его правительства. Версаль, и на берегах Невы, должен блистать.

С Шетарди приехала целая свита: двенадцать секретарей, шесть капелланов, пятьдесят лакеев. Он привез с собой пятьдесят тысяч бутылок шампанского, которое тут же заменило на императорском столе венгерское вино. С ним прибыл известный на весь Париж повар; Шетарди видел в своём визите не только дипломатическую миссию, но и миссию просвещения – учить русских модным французским манерам, искусству одеваться и готовить пищу.

Санкт-Петербург, дом французского посланника Шетарди

Шетарди был не в духе; губы его вздрагивали, изгибаясь в гримасе недовольства.

Бедный камердинер, наблюдая отражение хозяина в зеркале, в очередной раз поправил маркизу кружевной воротничок. Но Шетарди отмахнулся от него и кликнул секретаря:

– Жак!

Камердинер покорно отступил, а на пороге мгновенно возник секретарь.

– Письма есть? – строго осведомился маркиз.

– Нет, Ваша милость.

– Кто-нибудь собирается нанести мне визит? Или, может, оставил приглашение?

– Никто, Ваша милость, – секретарь с трудом сохранял почтительную мину, так как данная процедура уже повторилась трижды за утро.

– Это просто чёрт знает что! – взорвался тот.

Шетарди мнил себя успешным дипломатом; восемь лет он был посланником в Берлине и снискал себе известность ловкого человека и увлекательного собеседника. И назначение ко двору Российскому считал миссией сложной и ответственной.

Французский парламент был уверен – если, в случае смерти Анны Иоанновны, её племянница наследует трон, то Австрия приобретёт безграничную власть в руководстве русской внешней политикой. А такого величия своему закоренелому врагу Франция позволить не могла! И потому главной миссией Франции было – не допустить на русский престол Анну Леопольдовну.

Преследуя эту цель, кардинал Флери советовал Шетарди осторожно разузнать о настроении умов в России и выявить среди русских вельмож представителей оппозиции.

Шетарди следовало распознать оппозиционеров и войти к ним в доверие, внушив, что французское правительство готово оказать им содействие и стать идейным вдохновителем государственного переворота в России.

Итак, шёл третий месяц пребывания Шетарди в Петербурге. А выполнение его дипломатической миссии не продвинулось ни на йоту. Пытаясь выявить настроение умов при царском дворе, маркиз «сломав голову».

Анна Иоанновна оказывала ему почести в соответствие его статусу, ничем не ущемляя его прав в сравнении с иными послами. Её племянница Анна Леопольдовна, будучи беременной, вела тихий образ жизни; шумным увеселениям она предпочитала уединение на своей половине дворца, проводя время в компании одной лишь фрейлины Менгден. Присутствуя на куртагах, принцесса держалась в тени тётушки и помалкивала. То есть ничем не выдавала стремления к наследованию престола. Равно, как и её супруг, принц Антон-Ульрих. Тот, по наблюдению Шетарди, вовсе не пользовался ни авторитетом среди русской знати, ни доверием императрицы; ему было не позволительно даже присутствие на заседании Кабинета министров. При этом принц вёл себя тихо и непритязательно.

Лишь две исполинские фигуры отчётливо прорисовывались на мозаичном поле внутренней политики: Бирон герцог Курляндский и канцлер Остерман. И, если первый мозолил глаза тем, что всё время был на виду, хоть и старался казаться лишь тенью императрицы; то второй же был не виден вовсе, но был настолько вездесущ, что присутствие его невольно ощущал кожей каждый, даже пребывая в кругу домочадцев.

А царевна Елизавета (которую Флери видел в качестве оппозиции) не оправдывала ожиданий. Дочь Петра вела скромный образ жизни в небольшом дворце с маленьким штатом прислуги. И, хоть была стеснена императрицей в вольности и в денежных средствах, но делала вид, что всем довольна.

Чем живут и что думают, русские вельможи выяснить тоже не удалось по одной простой причине – за три месяца пребывания Шетарди в Петербурге ни один (!) представитель местной элиты не изъявил желания нанести ему визит или же прислать приглашение в свой дом.

Ничего подобного с ним прежде не случалось; в Берлине, он был избалован вниманием немецкой аристократии, там его почта ежедневно изобиловала карточками с приглашениями и просьбами о визитах. Маркиз блистал нарядами и красноречием на балах в лучших домах Европы. И он решительно не понимал, ЧТО происходит с ним здесь, в России?

Что за дикие нравы в этой стране?! Шетарди бесился. Он был уверен: не проявлять интереса к послу – всё одно, что выказывать неуважение его королю. Сделать же самому первым визит в дом какого-нибудь русского князя маркиз считал ниже своего достоинства, а посему сидел дома один, как сыч и срывался на прислугу.

Сегодня чаша терпения переполнилась. И он с твёрдым намерением решил объясниться с Остерманом по поводу своего вынужденного уединения. В конце концов, он готов был от него

потребовать, чтобы тот *приказал* местным вельможам посещать французского посла под угрозой жалобы его своему королю.

Шетарди велел закладывать карету, чтоб ехать на Невскую набережную, к дому канцлера. Вот, кстати, тоже пример чудачества, неподдающийся французскому разуму – русского канцлера невозможно было встретить при дворе; он вёл государственные дела исключительно в домашней обстановке.

дом канцлера А. И. Остермана

Андрей Иванович Остерман, сидя в своём неизменном кресле, без парика, в вытертом алом халате, кутаясь в шерстяной плед, с притворной учтивостью выслушал излияния обиды напыщенного француза. И вежливо пообещал уладить создавшуюся ситуацию.

Когда Шетарди удалился, канцлер криво усмехнулся ему в спину. И велел секретарю проветрить кабинет от душного запаха парфюма, коим французы щедро напытывают тело и одежду, вместо того, чтоб помыться.

Разглядывая своё отражение в висящем напротив зеркале, Остерман лениво поразмыслил о том, не стоит ли побриться? Пришёл к мнению, что не стоит. И, побарабанив пальцами по столешнице, решил: так и быть – отменить «опалу» французскому посланнику.

– Надеюсь, это была для Вас хорошая наука, господин Шетарди? – сам себе произнёс он, усмехаясь.

Дело было в том, что заносчивый француз, явившись ко двору, заявил Анне Иоанновне при вручении верительных грамот, что «он не может передать от своего короля императрице уверения в совершенной *дружбе*, а может засвидетельствовать лишь *удовольствие*, которым преисполнен Его величество при возобновлении добрых отношений».

Анна Иоанновна, конечно, не простила Версалю этой «любезной грубости» и велела Остерману устроить Шетарди какую-нибудь каверзу, в наущение. Таким образом, последующие три месяца тщеславный маркиз от всего русского двора наблюдал лишь *удовольствие* к своей персоне, но без предложений ему совершенной *дружбы*...

Выпроводив гостя, Андрей Иванович обратился к верному секретарю Семёнову с просьбой сообщить о том, какие складываются суждения у столичной аристократии по поводу Шетарди? А так же доложить о содержании писем, что шлёт французский посол на родину.

– Ваше сиятельство, при дворе сложилось мнение, что маркиз – человек тщеславный, вспыльчивый и помешанный на этикетах и церемониях, – с усердием принялся докладывать Семёнов, раскрыв перед собою папку с донесениями, – Что касается писем... Пишет всякую чепуху; встанет первой парой в танец на балу во дворце, и тут же строчит об этом в Версаль. Отпустит какую-нибудь остроуту, расшаркается и считает необходимым, чтоб об этом непременно знали и кардинал Флери, и сам король. По самому ничтожному поводу тут же спрашивает у своего двора, как ему поступить? И не столько в вопросах политики, как всё в тех же церемониях. В подробностях описывает туалеты наших вельмож и их манеры. Перечисляет всех лиц, кто, по его мнению, не исполнил в отношении него всех знаков приличия, требуемых его званию.

– С кем на балах общается? О чём говорит?

Семёнов заглянул в папку:

– Много, с кем общается...

Наблюдая, как секретарь перелистывает страницы, тщетно выискивая что-либо представляющее интерес, Остерман велел:

– Оставь-ка мне папку и ступай. Я сам прочту, – и предупредил, – Никого не принимать! Говори всем просителям, что я занят.

Изучив материалы, Остерман задумчиво поскрёб заросший щетиной подбородок. Из всех сведений его заинтересовали лишь два. Одно – то, что, в прошлую среду на императорском балу маркиз дважды приглашал на танец царевну Елизавету Петровну.

И другое – в разговоре с прусским посланником Мардефельдом выразил соболезнование о недавней смерти герцога Голштинского, поинтересовался судьбой его осиротевшего сына.

На первый взгляд оба факта были не значительными. Но у Остермана зачесался нос, как у кота, почуявшего скребущуюся в подполе мышь.

дом фельдмаршала Б-Х. Миниха

Миних был искренне огорчён результатами турецкой войны. Он не оправдал надежд государыни и не достиг обещанных целей. Почти восемнадцать тысяч жизней русских солдат были на его совести. Да и условия Белградского мира выглядели хлесткой пощёчиной фельдмаршалу.

Анна Иоанновна больше не питала к Миниху доверия и не приветчала его радушно при дворе, как было прежде. Бирон тоже умерил благосклонность и при встрече с фельдмаршалом выказывал холодность и безразличие. Да и в офицерской среде авторитет бравого Миниха значительно пошатнулся.

Однако, Христофор Антонович был по натуре оптимист, и мозг его неустанно фонтанировал идеями. Поэтому, вернувшись к гражданской жизни, он с усердием взялся за новые проекты по наведению порядка во вверенной ему Военной Коллегии.

Чтоб загладить свою вину перед офицерами за кровопролитные турецкие походы, Миних решил облегчить участь старым воинам. Он спроектировал указ, чтоб каждому дворянину, прослужившему двадцать лет, дозволялось просить увольнения из армии.

Императрица дала добро. Но благородная идея фельдмаршала обернулась катастрофой – едва указ публиковали, больше половины всех офицеров подали в отставку, уверяя, что прослужили более двадцати лет!

Ошибкой Миниха было то, что он, будучи немцем, не предусмотрел особенностей, присущих русскому образу жизни. Во-первых, влиятельные вельможи, в погоне за чинами, записывали детей в военный полк семи лет от роду. Вот и вышло, что к тридцати годам двадцать они уже «отслужили».

А, во-вторых, тяга у русского человека к земле всегда была слишком велика. Поэтому офицеры даже без гроша за душой, вместо военной карьеры, с радостью предпочли вернуться в деревню – возделывать поля и налаживать хозяйство.

Такой оборот дела заставил императрицу, спустя несколько месяцев, отменить указ, чтоб не лишиться доброй половины армии. А Миних получил выволочку.

Казалось, фортуна навсегда отвернула свой ясный лик от фельдмаршала. Государыня на него дулась. Бирон нарочито игнорировал. А недруги с удовольствием подвергали фельдмаршала безжалостным выговорам и насмешкам.

Но неутомимый Миних не падал духом. И в скором времени представил государыне новый проект – выстроить большие казармы в окрестностях Петербурга, чтоб объединить всех солдат пехотных гвардейских полков под одну крышу. Доныне солдаты и низшие офицерские чины размещались по домам обывателей, и это создавало неудобство одновременно, как жителям, так и командирам.

Императрица подумала и сочла это предложение полезным. И Миних радостно засучил рукава. Он живо нарисовал проект и выбрал место. А полки так усердно взялись за строительство, что уже на следующий год казармы были готовы.

Анна Иоанновна слегка «оттаяла» к опальному фельдмаршалу и выразила похвалу в виде денежного вознаграждения за вклад в развитие военного дела империи. Но в то время ни она, ни даже сам Миних не могли и предположить, какую недобрую услугу составит его строительство казарм в недалёком будущем принцессе Анне Леопольдовне.

Летний императорский дворец

Расследование по делу Волынского затянулось на два месяца. Измученные допросами и зверскими пытками, арестанты безжалостно оговорили себя и патрона. И признались в несуществующем заговоре, чем обрекли себя на смертный приговор.

Бирон лично похлопотал о том, чтоб поучаствовать в проекте приказа об изощрённых методах казни Волынскому и его соратникам.

Но Анна Иоанновна долго не решалась ставить подпись под этим приказом. Она даже плакала, и несколько раз просила герцога Курляндского пересмотреть материалы допросов, чтоб убедиться, нет ли там ошибки. Умоляла позволить ей заменить для Волынского казнь на ссылку. Но своим жалостным отношением к Артемию Петровичу лишь разжигала ревность Бирона и ненависть его к сопернику. Чем сильнее тот озлоблялся, тем яростнее противился просьбам государыни о снисхождении к осуждённому. Наконец, фаворит, теряя терпение, поставил перед императрицей вопрос ребром: «Или я, или этот проходимец Волынский».

И государыня сдалась.

27 июня на площади Сытного рынка состоялась казнь Артемия Петровича. Вместе с Волынским пошли на эшафот два его соратника – архитектор Петр Еропкин и советник адмиралтейской канторы Андрей Хрущев. Остальных прилюдно били кнутом и разослали в ссылки. Дочерей Волынского Анну и Марию велено было постричь в монахини и сослать в отдалённые монастыри.

Этим летом императрица отменила свою ежегодную поездку в загородную резиденцию Петергоф. И на это было две причины. Первая – государыня была нездорова; её мучили приступы боли, от которых она порой лишалась чувств. А казнь Волынского, которую Анна Иоанновна пережила, как потерю близкого человека, усугубила частоту этих приступов.

А вторая причина – Анна Леопольдовна была на сносях, и малютка вот-вот должен был появиться на свет. Императрице очень хотелось присутствовать при этом радостном событии.

12 августа 1740 года принцесса благополучно разрешилась мальчиком, на радость царствующей тётушки. Младенцу дали имя Иоанн (в честь деда) и отчество Антонович. Государыня тут же объявила новорожденного законным наследником престола и поместила его в покоях, подле своих.

В летнем императорском дворце по поводу рождения цесаревича вторую неделю шумели балы. Но сама Анна Иоанновна появлялась на них не более, чем на пару часов. Затем в сопровождении фрейлин и статс-дам удалялась в свои покои. Ночи она проводила в окружении лейб-медиков и верных шутов, первые из которых стремились облегчить её нестерпимые боли, а вторые из всех сил старались рассмешить и позабавить государыню в нелёгкие часы бессонницы.

Из-за того, что гости редко видели на балах императрицу, слухи об её тяжёлой болезни нарастали, как снежный ком. Все были озабочены одним вопросом – кто же будет наследовать престол в случае, если государыня преставится? Вернее, кто удостоится чести регента при младенце-императоре?

дом шведского посланника Нолькена в Санкт-Петербурге

Слухи о болезни русской императрицы просачивались к иностранным посланникам. И заставляли волноваться не только Францию, но и Швецию.

Шведский президент Государственной канцелярии граф Юлленбург срочно направил депешу в Петербург своему посланнику Нолькену, в которой предполагал, что, если русская царица в скором времени умрёт, то это повлечёт новый виток беспорядков в России, связанных с борьбой за власть. Поэтому нацеливал Нолькена уже сейчас активно искать контакта с одной из русских оппозиционных группировок, которая в обмен на шведскую финансовую и военную помощь ещё до своего прихода к власти согласилась бы на территориальные уступки для Швеции.

Проблема войны с Россией неуклонно муссировалась в Стокгольме. Сосредоточенная за зиму многочисленная русская армия на Выборгской стороне, безусловно, сдерживала шведских генералов. Но аристократия во главе с Юлленборгом упорно скандировала в рикстаге лозунги, призывающие к войне!

Из-за невозможности достичь единогласия двух непримиримых партий, выступление шведской армии продолжалось отсрочиваться, несмотря на то, что миновала зима, весна, и лето уже подходило к концу. И Юлленбург, возглавляющий партию «шляп», озарился идеей – заручиться поддержкой у оппозиционной русской группировки, с тем, чтобы внести раскол в русскую элиту.

По его мнению, попытать счастья можно было у трёх претендентов: первый – это герцог Курлянский, вторая – Анна Леопольдовна и третья – царица Елизавета.

Задача, которую Юлленбург поставил перед Нолькеном, – определить, кто из троих будет согласен уступить Швеции финские земли в обмен на оказанное содействие в получении короны. И начать переговоры.

А, поскольку Франция теперь выступала союзником Швеции, Юлленбург посоветовал Нолькену, обсудить поиски оппозиционеров с Шетарди в надежде снискать в нём соратника.

Нолькен пригласил Шетарди к себе в дом под предлогом дружеского визита. И, коротая вечер за партией в шахматы, стал прояснять мнение Версаля о русской обстановке вокруг наследования престола.

Нолькен поставил на шахматную доску рядом двух королей:

– Давайте представим, – сказал он, – что, чёрный король – это Анна Иоанновна, действующая императрица. А белый – её законный наследник, младенец Иоанн.

На клетку позади «императрицы» он поместил чёрного ферзя:

– Это Бирон.

– Очень метко, – согласился Шетарди, – Фаворит и, вправду, всей своей сущностью похож на ферзя.

Нолькен продолжал выставлять фигуры:

– А это родители наследника – Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих, – и позади белого короля сосредоточил фигурки двух слонов.

Маркиз Шетарди включился в игру и с другой стороны в двух клетках от чёрного короля установил белого ферзя:

– А это, – сообщил он, – обделённая сестрица государыни, царица Елизавета.

– Что ж, все претенденты на наследование престола в сборе, – согласился Нолькен, – Допустим, императрица умирает...

Он убрал с доски чёрного короля, обнажив его клетку перед сосредоточенными фигурами. Каждая из них оказалась на расстоянии одного шага к тому, чтоб занять освободившееся место.

– Как Вы полагаете, чей сейчас ход?

– По закону, ход должен сделать белый король, – ответил Шетарди, – Он наследник, утверждённый императорским манифестом.

– Если он занимает трон, то ближайшие к нему, по родственной линии, будут супруги Брауншвейгские. Они и возьмут регентство.

«Значит, вероятность первой очереди, что следует налаживать переговоры с Анной Леопольдовной и её супругом», – подумал Нолькен, – «Принцесса, добра и покладиста; будет не сложно, припугнуть её войной и добиться требуемых уступок».

Но, слава богу, он не произнёс этого вслух, потому что...

– В таком случае, Вы должны понимать, русская внешняя политика будет целиком подчинена интересам австрийского дома! – строго сообщил Шетарди, поджимая губы.

«Ах, вот оно что! Французы противятся изо всех сил усилению влияния Австрии. И Анна Леопольдовна в том для них – главная помеха на русском престоле», – понял Нолькен, – «Вступать в контригру с союзной Францией теперь не резонно; можно наклепать беду куда более сильную. Итак, кандидатура Анны Леопольдовны с её супругом на трон Российской империи для нас пока отклоняется».

Он послушно положил плашмя на доску обе фигурки слонов:

– Всё верно, – рассудил он в угоду французу, – Слоны – фигуры подневольные. Они ходят лишь по прямым линиям. И возле трона они лишь постольку, поскольку на нём восседает их сын Иоанн. А, если его не станет?

Шетарди обрадовался:

– А ведь и в самом деле! С младенцем всякое может случиться. Ну, вдруг? И тогда Брауншвейгская фамилия отменяется от престола одним движением руки.

– Вы правы. Кто остаётся? Бирон и Елизавета. Два ферзя. Две фигуры, вольные двигаться в любом направлении.

– В этой парочке присутствует забавное противоречие! – развеселился Шетарди, – Один из них не имеет *никаких* законных прав на корону, но источает *огромное желание* любой ценой водрузить её себе на голову! А другая, напротив, имеет *все* законные права на престол, но не изъявляет *никакого желания*, чтоб за него побороться.

После ухода Шетарди, Нолькен долго думал, на кого же сделать ставку – на Бирона или Елизавету? Прикидывал так и этак и, наконец, выбрал Елизавету.

Он просто не смог придумать, чем бы заинтересовать баловня судьбы Бирона, у которого итак есть всё? А Елизавете Нолькен решил просто предложить денег (он был наслышан о том, что она постоянно испытывает в них нужду и имеет массу долгов). А подспудно он намекает принцессе на то, что Стокгольм станет и впредь оказывать ей достойное финансовое содействие, если она, в свою очередь, будет не против оказать содействие Швеции *в некоторых обоюдных вопросах*.

Дабы соблюсти секретность, подобраться к дочери Петра он решил через её преданного друга и лекаря Жана Лестока, передав через него царевне записку с просьбой о встрече.

Царевнин дворец

Весь день столица изнывала от удушающего горячего зноя. К ночи жара спала и, в преддверии грозы, воздух сделался тяжёлым и липким, точно патока.

Елизавета Петровна возвращалась с очередного куртага из императорского Летнего дворца в карете с доброй подругой Маврой, сестрицей Анютой и преданным лекарем Лестоком. Опираясь на руку Лестока, она вышла из кареты и остановилась, обмахиваясь веером:

– Постоим немного.

– Я устала, сестрица, – призналась Анята, – Хочу спать.

– Ступай, – разрешила царица и кивнула Маврушке, – Проводи. Что-то не нравится мне её хандра. Как бы не расхворалась.

Они с Лестоком остались одни.

– Душно, – пожаловалась Елизавета.

– Да, уж. Есть от чего задохнуться.

– О чём ты?

– Вы видели, Ваше высочество? Сегодня императрица выглядела особенно плохо. Она едва сидела в кресле. И ушла, не дождавшись танцев, – Лесток перешёл на шёпот, – Я располагаю точными сведениями, что она мочится кровью и страдает ежедневными обмороками из-за сильных приступов боли. Дни её сочтены.

Царица продолжала совершать размеренные движения веером и молчала.

– Россия стоит на пороге большой смуты, – не унимался он, – Случись сейчас что с императрицей, на престоле окажется младенец. И тот, кто отвоюет право регентства, будет управлять страной.

– У этого младенца есть родители, – напомнила Елизавета.

– Принцесса Анна Вам не соперница. За те три года, что она провела взаперти после неприятной истории с графом Линаром, да ещё год просидела в своих покоях из-за беременности, она привыкла к затворничеству. Она не жаждет завоевать любовь подданных и сплотить вокруг себя единомышленников, вероятно полагая, что её будут почитать лишь за то, что она родила России наследника. Все её сподвижники – одна фрейлина Менгден. А её самой будто и нет вовсе! Это не правительница, а – фантом, пустое место!

– Тем она и будет желанна Кабинету министров; безвольной натурой легко управлять.

– Да, если бы только её супруг не был Брауншвейгским принцем! – парировал Лесток, – Вы же понимаете; едва он вступит в регентство, завтра же русский двор наводнят австрийцы. Неужели Вы готовы допустить, чтобы Венский двор заправлял делами России?

– Принцу Антону-Ульриху регентство? – иронично хмыкнула царица, – Ты забыл про герцога Курляндского! Вот уж кто сделает всё, чтоб не допустить к власти Брауншвейгскую фамилию, лишь бы самому остаться у кормушки. И что он только уже ни делал, чтоб закинуть ногу на трон! Вообрази, уговаривал государыню выдать Анну за его сына Петрушку. А теперь настойчиво сватает его за меня. И, если только я соглашусь на этот брак, то после смерти сестрицы Бирон преподнесёт мне корону на блюдечке. Но править будет сам.

– Но герцог не любим при дворе, – напомнил Лесток, – За десять лет он снискал себе лишь зависть и ненависть. К тому же русские вельможи никогда не забудут его низкого происхождения.

– Равно, как и моего!

– Ваше высочество! Вы – дочь их любимого царя Петра Великого.

– Не будь наивен, мой друг! Я прекрасно знаю, *что* обо мне говорят при дворе. Они не могут мне простить моей матери, лифляндской простолюдинки. И того, что отец сочетался с ней браком уже после моего рождения, – и посмотрела вверх на сгущающиеся тучи, – Идём в дом, Жан! Сейчас будет дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.